

Расшифровка интервью

Дата: 23.08.2021

00:00:34

На этой фотографии мои любимые родители. Мой папочка Ашабоков Халид Джамурзаевич и моя мамулечка Налоева Евгения Хакяшевна.

00:00:27

Давайте.

Ну, на этой фотографии моя мамулечка, а я уже тут вот, у нее в животике. А это Люля, ее сестреночка. Ну после нее еще Мария, Люсена. Нет, Мария была старше. Мария, Люля и Люсена. Вот это Люлечка с ней, пошили бедненькие, в то время ситцевые платья сшить — это было счастье там. Тяжело было, тяжело жилось. Вот чулочки одинаковые, парусиновые тапочки, видите, парусиновые.

00:01:09

А где была сделана эта фотография, еще скажите?

Это в Казахстане. Это в Казахстане. Прямо там, наверное, в Шаульdere, я так думаю. Вот такие были.

00:01:22

На следующей фотографии кто изображен?

Здесь?

00:01:25

Да.

А это уже в Чегеме я. Уже... После рая в Верхнем Лескене я оказалась в Чегеме. Это мои одноклассницы, чегемские девочки. Да.

00:01:40

Покажите, где вы.

Ну, я вот, видите, с косой.

00:01:48

Расскажите, пожалуйста, про эту фотографию, верхнюю.

Здесь я с сестреночкой младшей. Видите, какая она красивенькая. Пионерские галстуки наши. Я так гордилась, что я уже пионерка. О, это что-то! Класс наш. Посмотрите, какие парты были тогда, да?

00:02:11

А где вы на этой фотографии?

Ну, вот я слева, а справа — это моя сестреночка меньшая, Люда.

00:02:22

Слева относительно нас или?..

Относительно меня.

00:02:26

Можете пальчиком показать.

00:02:27

Покажите, да.

А, вот, вот она я, видите. Вот она я. А вот Людочка. Кругленькое личико, такая вообще, живая.

00:02:40

[Когда] была сделана и где?

Ну это уже... детям. 1984 год.

00:02:51

Давайте.

Эта фотография была сделана в 1984 году. Тут мои деточки, а вот беленькая вот эта, дите, это родственница моей свекрови. И вот мы идем по улице, да. Ну, все знают и супруга моего, и меня, и вот эти деточки все такие, видите, смугленькие, похожи на нас. А эта белоснежная, синеглазая и бежит рядом со мной: «Мама, мама». А все так подозрительно смотрят и думают: «Странно, у Лены голубоглазая девочка. Откуда?» Такие были дела. Это гостя наша была. Но я думаю, очень большим подарком... Я — третье поколение, которое пострадало от репрессий. Пострадали дедушка с бабушкой, их дети, а я уже третье поколение. И то меня сильно коснулось это. А вот она такое пережила, что вообще уму непостижимо. Она как птица феникс. Так что вы, думаю, будете очень рады, если эта книга пополнит ваш музей. Да и я буду рада. Пусть о ней, о ее жизни... Вот там настоящий ГУЛАГ. То, что она перенесла, это уму непостижимо. Я дарю вам эту книгу.

00:04:25

Спасибо большое. Мы обязательно передадим в нашу библиотеку.

Пожалуйста.

00:04:31

Елена, расскажите, пожалуйста, в какой семье вы родились? Кем были ваши родители?

Вы знаете, это были тяжелые годы. Просто мы, дети, думали, что так и надо, что так и живут все. А как они встретились? Удивительно, судьба как свела папу и маму. Мама моя, урожденная Налоева, она дочь Хакаяши. Хакаяши и [Нрзб]. Старшие дочери его уже вышли замуж. Марьяна, Бабыш, Аля. Вот три дочери вышли замуж, а уже моя мама и еще там три девочки, младшей вообще было два годика только, ну, были дома, когда семью выслали в Южный Казахстан. Жили они здорово в Старом Урухе. Мама рассказывает, что у них было много пчел. А улы тогда были вот как эта корзина, что там стоит. [Нрзб], бжомата называлась. И вот там жили пчелки у них, много пчел. Гусей много было, как она рассказывает. Ну, была мельница, по наследству досталась, ветряная, на речке. Был у них единственный брат, который ушел на войну. На Украине взвод или батальон, я не знаю, в котором он служил, они попали в окружение и попали в плен. Ранили, многие погибли, многих ранили. И он, значит... А я должна сказать, что украинки — удивительный народ. Они, бедные, отрывали от своих семей и тащили тем, кто за вот этой колючей проволокой у немцев, картошку замороженную, уже где-то откопают, перебрасывают им. И помогали выжить этим несчастным, которые ранены. «Даже травки какие-то, — говорит, — перебрасывали нам, чтоб мы прикладывали к ранам и всё такое». И, значит... Каким-то чудом, говорят, они смогли бежать оттуда. Ну и он решил, что рядом же родители, ну, еще рука не действует, «увиджу родителей, а уж потом опять на фронт». А тут как раз случилось, что немцы уже дошли сюда. И бросили клич, что все, кто был здесь во время этого, будут считаться предателями. И он... Туда-сюда, ну, там и языки были, знаете... Кто-то, может, и доложил, что раненый, но ушел с фронта. Но он-то не насовсем ушел. Он вернулся бы обязательно, как только с рукой лучше станет. Так сложилось, в общем. И когда уже немцы зашли в село, видимо, скрыться было некуда и пришлось уйти с ними. Он в плен попал. У этих кабардинцев была совсем другая судьба, которые попали в плен к немцам и попали в Италию, кто живой остался, их было много там. И кто-то с концлагерей, кто-то, ну, всякими путями. Тогда еще был король Хусейн молодой в Иордании, а при нем работал Саид [нрзб]. Он прослышал про этих черкесов и говорит: «Жалко моих сородичей». Они не хотят служить ни у них, ни у австрийцев, ни у американцев. Вот остановились там и дальше не знают, что делать. И домой боятся, потому что назовут врагами народа, так как они в плен попали. «Я, — говорит, — беру ответственность на себя. Позволь мне, король, привезти их сюда». Представляете, он очень много черкесов привез оттуда. Они сразу пошли служить в армию, и все были обустроены, женились. И единственное, что их всё время напрягало, что они не на родине. А у моего отца совсем другая история. Он на войну уже ушел пожилой. Это Ашабоков Халид, который, я вам рассказывала, произошел [нрзб]. Пожилой совсем попал.

00:10:44

Пожилой — это сколько лет?

Уже, наверное, года 43–45 было ему, ушел на войну. И вот под Каменноподольском весь батальон попал в окружение. Там их, как птиц, перестреляли, бедных. Осталось очень мало в живых и раненые. Ну, попали в плен. Попали в плен. И они оказались под Бранденбургом где-то. Но в концлагерь приехал какой-то фермер. Папа говорил, его фамилия была Ганцков. И он сказал, что «я хочу отобрать для себя работников». С батальона, собственно, их осталось-то четыре человека. Два русских. Жилейкин, папа, еще один, значит, Цагов. И те из Сибири были два человека. Ну он их отобрал, и они там работали на него. Но что удивительно, папа говорил: «Знаешь, Лена, порядок. Не воруют. Что за народ? Вот, — говорит, — картофельное поле огромное у него, и вдоль картофельного поля вот так железная дорога. У него свои там вагоны. Картошку загружают здесь, везут на его заводик. Там ее моют, чисто там, всё как надо обустроено. И делают с нее и крахмал, и масло». Я впервые от папы слышала, что из картофеля гонят масло. Вот я до сих пор как-то удивляюсь. «И он, — говорит, — нас всегда жалел, кормил. И говорил: “Если вы не будете кушать, то вы не сможете работать”. А у него еще ферма, — говорит, — была. И вот мы в бидонах отвозим молоко по назначенным пунктам. Цену ставим, — говорит, — и оставляем бидоны. Вечером приезжаем, забираем. Деньги лежат на бидоне. Бидоны чисто вымытые. Пальцем никто не тронет. А потом, — говорит, — уже обмен военнопленных. Кто нас только не вербовал. Мы сказали: нет, только на родину. “Да на родине, ну вы с ума сошли, вас или в Сибирь, или убьют, вы же пленные бывшие”. “Мы докажем, что мы без оружия. Всё”. И все четверо так сказали». Жилейкин, значит, этот... господи. Ну, в общем, четверо их, они сказали: «Только домой, на родину». «Посадили нас, — говорит, — в эшелоны. И без суда и следствия — Магадан. Я вообще был поражен, — говорит, — как это?» По прибытии он написал письмо Сталину, на имя Сталина. Все говорят: «Да что ты, Халид, кто там тебя будет? Никто отсюда не ушел, 17–20 лет будем тут». Через три месяца приходит освобождение за подписью Ворошилова. Все четыре человека с этого батальона были свободны. Но оттуда не выехать, не выплыть. Зима. Надо ждать, когда оттает всё. Вот как сейчас помню, он говорил, озеро Хасан, порт Хасан. А я всё думала — Хасан кабардинское имя же: господи, откуда там такие названия? Что это за названия такие удивительные? Ну, уже он был свободен, он говорил: «У меня был начальник там, на лесоповале, Полубояров. Такой хороший, — говорит, — мужик. И он говорил: “Халида Ашабокова на камни посадишь, он всё равно выживет и найдет выход”. Ну, а теперь, — говорит, — мы уже все четверо были свободны, на себя работали. Я решил собирать шишки кедровые и обменивал на мыло». Мыло в то время — это было, ну, как валюта.

00:15:46

А что он написал в письме Сталину?

Он всё написал, где их взяли, в каком месте, какой батальон, всё. И день и год, когда их взяли. Как они попали в окружение, всё описал. И их освободили. Это вообще удивительный случай. Но, что жалко, паспортов-то у них уже, вот это всё, вот с документами была какая-то путаница. Но факт, что с Магадана никогда не сбежишь. Никак не сбежишь, если ты не свободен. Никак. Поэтому вот всё... Да вообще отец только правду говорил, он очень честный человек, трудолюбивый.

00:16:39

Получается, он три месяца только был, да?

Шесть месяцев.

00:16:43

Шесть месяцев?

Потому что три месяца... Уже он свободный был после трех месяцев, а еще надо было ждать, когда выплыть можно на большую землю.

00:16:53

Что папа рассказывал про эти три месяца первых?

О, тяжело было.

00:16:57

Как они там жили, как всё было устроено?

О, это труд, труд и еще раз труд. Это страшно. Но просто они были очень сильные. Они же

непьющие люди были, здоровые, знаете. Тяжело, на лесоповале очень тяжело было. Потом, говорит, там — мне так интересно было — ээки, ээки, которые на пожизненно. Им, говорит, что человека убить, что муху прихлопнуть. Всё равно им пожизненно.

00:17:31

То есть там уголовники и?..

Уголовники и вот эти бедные, которые ни в чем [не виноваты], ну, попали по воле судьбы в плен. Не сдавались, безоружные, нормальные люди. Ну, приходилось, говорит, обходить острые углы. Потом он встретил там человека, который был осужден раньше, но не в плен попал, а осужден, из Чегема. «И — говорит, — он умер, там я его похоронил, сам, ну как кабардинец. И он завещал, что если я живой останусь, чтоб я рассказал родным о его судьбе». Ну, и значит, что у папы уже чемодан целый мыла. Это валюта. Скоро они уже оттуда снимутся. В Сибири, значит, Шишкин и Жилейкин уже отпали, по своим этим. А Цагов и папа, ну, садились на любые, на любой транспорт, лишь бы на большую землю, ближе сюда. И вот они попали в Казахстан. Станция Тимур, Южно-Казахстанская область, селение Шаульдер. А станция Тимур, там на станции была больница. Ну, ночью... Как это случилось, как папа не заметил? Чемодан с мылом исчез. А он и проводнику даст, и всё, ему везде была дорога открыта. Чемодан исчез. Ой, что делать? Ну, Цагов всё-таки немножко денежек имел, он выехал оттуда, а папа остался там, устроился в больнице извозчиком. Потому что ему надо было заработать денег, чтобы сюда, в Чегем, приехать. Это под Нальчиком тут недалеко. И вот, значит, он уже работает в больнице. Извозчик, ну он такой был, его это не касается, подумаешь, территория неухоженная. Да он и территорию в порядок приведет, и деревья посадит, и арык прокопает там, воду проведет. Вот такой был. Хотя это не входило в его компетенцию. И вдруг он видит девушку на кухне. Молоденькая, красивая такая, еще и кабардинка. А он взрослый уже, очень взрослый, он ей в отцы годится. А эта девушка, оказывается, моя мама будущая. Она с тремя маленькими сестрами осталась уже сироткой там, в Казахстане. Уже папа с мамой умерли. А как она рассказывала, как папа, говорит, лежит на этой кровати, мама напротив. «А папу, — говорит, — мы вообще привезли на полдороги, он на почте был главный. Потом и бригадир был такой деятельный. В дороге ему стало плохо, и какие-то люди пришли, сказали: “Попросите у кого-нибудь телегу, съездите, он под деревом там, ему плохо, лежит, вот в таком-то месте”. Мы поехали, забрали, — говорит, — его. Он пить всё время просил, а еды-то не было. Полуголодные все. И вот он лежит, глазки уже не открывает. Мы, маленькие дети, не знаем, что делать. Хочется покормить его, а чем, как? Там мама лежит, тут папа. И мы услышали, что сосед где-то там зарезал верблюда. Мы помчались туда, мы попросим, а вдруг дадут. И вот, — говорит, — помчались, а он когда узнал, что они больные, он сказал: “Мне и денег не надо, это не в долг, это я вам даю, пусть они выздоравливают”. Дал, много мяса, — говорит, — нам, всего там. И мы бежим, боимся упасть, кругом пыль, песок. Мы бежим, скорее добежать, приготовить, успеть накормить их, бедных. И вот, — говорит, — я уже на пороге и кричу: “Папа, папа, мы мясо принесли”. А он, бедный, глаза открыть не может и говорит: “Подойди, дай потрогать, дай потрогать”». Ну вот, мясо, конечно, он не дождался, он умер, а позже мамочка умерла. А как они их хоронили, все пожилые же там, и дети, и песок. Копаешь, копаешь, а он опять туда. И по обычаю в саван не сможешь, потому что нету материала, нету, ничего нету. Просто в какие-то тряпки, выкупали. «И мы, — говорит, — все вчетвером до утра сидим и охраняем могилки, чтобы собаки не съели, не разрыли». Мне очень тяжело, мама всегда очень плакала, когда рассказывала это. Я дедушку с бабушкой в глаза не видела, конечно. Моей младшей тете было два годика всего, они молодые ушли.

00:23:59

А маме сколько было лет?

Мамочке лет 17 с половиной, может 18. А те, одна меньше другой, три сестры. Ну вот. Надо было выживать как-то. Они ходили хлопок собирали, их вообще даже выгоняли на работу эти... Подрабатывали как могли. Кому-то постирают, кому-то проползят огород. Очень тяжело было им, очень.

00:24:41

Наверное, на маму всё ложилось, да?

Конечно, она же старшенькая, да. А потом вот папа оказался там. Папа проездом случайно оказался там и мою мамочку заприметил. И вот, значит, начал за ней потихонечку ухаживать. Ну она такая: «В отцы мне гонится, усатый черт. Зачем он мне нужен? Не хочу». А эти соседские женщины говорят: «Женечка, ну зачем ты так? Ну сходи послушай его. Ведь он же кабардинец, во-первых. Во-вторых, он хороший человек. Ты ж не знаешь, что он тебе предложил? Вот казахи молодые все хотят тебя, а ты не хочешь за казаха. Кабардинцы, мало твоего возраста их тут. И кто сватается, предлагают твоих сестер в детдом сдать, потому что

нищета, не прокормишь, а ты послушай, что он тебе скажет». Ну вот она всё-таки решила с ним встретиться. И папа такой, усики так заворачивает, говорит ей: «[ин. яз], — то есть красавица Жангуаша. — Ты знаешь, — говорит, — я как только увидел тебя, так и влюбился». Она такая не ожидала, что так сразу он будет говорить ей. Говорит: «Ты знаешь, я не стану тебя обманывать. Даже сегодня, если тебя освободят, я-то свободен, а ты не свободна. И мы уедем в Чегем, там уже мой младший брат женат и живет в моем доме. Я-то его не погону. А так, — говорит, — я уже был дважды раскулачен. В моем селении Ашабей...» — это село по его фамилии называлось, потому что его предки там вообще образовали это поселение. Позже это поселение переименовали в Малку, а так это Ашабей было. И говорит: «В 1927-м у меня всё конфисковали, и я еле спасся. Благо, — говорит, — Ципинов был участковый у нас, один добрый человек. Пришел и сказал: “Знаешь, Халид, ты отдал и скотину всю, и лошадей своих, они тебя не оставят в покое. Тебя ждет или Сибирь, или расстрел. Скрывайся. Уходи куда хочешь отсюда”». Но отец так обдумал всё, у него еще оставалось кукурузы много. Всю ночь рыл яму, всю кукурузу сложил туда, сверху доски, стог сена, ну, замаскировал. Пошел к соседу, Унашхотловы такие, Унашхотловы [нрзб], и сказал: «Вас четверо братьев, дом один. Я оставляю вам свой домик, землю. Если я когда-нибудь выживу и вернусь сюда или приеду к вам, просто скажите: “Проходи, дорогой Халид, в дом [ин. яз.]”. Мне больше ничего не надо». И он уехал в Чегем, забрал отчима своего, мать там, брата, которого она там родила, от этого мужа. В Чегем, а Чегем — это его матери село было. Ну он рассказывал, говорит: «Что ж я ходил бы и говорил: вот у меня такие предки. И что? Предки свое отжили, я должен доказывать, что я достоин своих предков, поэтому надо по новой зарабатывать всё, у меня всё забрали уже». И он устраивается... Вот селение Урух, а оно называлось Къугъулыкъуей. Князя там правили, по их фамилии Къугъулыкъуей. Ну по-русски как-то искаженно говорили Коголкины, но это далеко от этого названия, конечно. Къугъулыкъуей. Там жил Понежев такой, у него был табун лошадей, конезавод свой шикарный. И он папу берет старшим табунщиком. За пять лет у него свой табун лошадей был. Да, за пять лет работы. По возвращении в Чегем у него там, ну, и коровы ж были, он, значит, это... Недолго прошло, между прочим. То был 1927 год, когда его там раскурочили, раскулачили. А тут уже 1933-й, кажется, год. Уже когда у него столько лошадей было, тоже всё забрали. Всё подчистую. А потом уже туда-сюда — и война. И он ушел на войну. Вот таким образом, значит, я уже перескочила.

00:30:48

Да, вот расскажите тот момент, как мама отреагировала на этот рассказ.

И вот она, значит, он говорит: «Знаешь, милая Жангуаша, вот я тебе рассказал, что я дважды раскулачен, что ничего у меня нет, но ты знаешь, я всю жизнь буду оберегать твоих сестер, как родных дочерей, и любить их. И тебя буду лелеять. И сколько бы ни заработал, я буду приходить и отдавать тебе. Ну, на сегодняшний день я нищий». И, значит... Вот это я вам, это не для показа, наверное, я расскажу, как он хитро... Такая, знаете... Так только он мог сделать. Он, значит, рассказал, что он нищий, что у него уже теперь ничего нет, но у него удивительно крепкая железная ступа есть. Ступа, то есть. Мама в недоумении вернулась, все ее облепили, бабулечки все это: «Ну, расскажи, расскажи, что он тебе сказал, как он к тебе сватался?» Она: «Да не знаю, — говорит. — Так его речи слушаешь, конечно, он добрый человек. Он и сестер моих говорит, что будет любить. Ну, конечно, дважды раскулаченный, ничего у него нет, но он работяга и говорит, что будет вот так, так, так. “Ну, — говорит, — ничего у меня нет, но зато у меня такая ступа железная хорошая”. И что он ее таскает с собой? Вот дурак. Ничего нету, а это таскает», — она говорит. А она, она-то дитя, понимаешь? А эти женщины сразу поняли, что он подразумевает. Говорят: «Эх ты, глупышка. Вот когда выйдешь за него замуж, тогда узнаешь, что это такое». Ай, ты мой золотой. Я-то эту историю знала. И вот он когда сказки рассказывает, да, или что, и я начинаю ни с того ни с сего улыбаться. А он: «Ты чего, Лен, улыбаешься?» А я ж не могу ему сказать, что я знаю эту историю. Такая: «Да ничего, папа, просто что-то вспомнила». А он такой рассказчик был удивительный. Он до утра мог рассказывать сказки. И я эти сказки видела как кино. Вот он рассказывает, а я вижу эти персонажи все. Вот до утра, уже лампа, уже почернело стекло, уже и солярки, керосина нету в лампе, уже дымочек даже идет, коптит. Надо спать, а мы: «Папочка, еще, еще, еще». Вот такой отец был. Ну, поженились они. Я первая родилась у них. Потом Людочка, потом двойня родилась. Остался мальчик живой, девочка умерла. Восемь месяцев.

00:34:25

Где вы родились?

В Казахстане. Южно-Казахстанская область, вот это селение Шаульдер, Шаульдерского района. А относились мы к этой станции Тимур. Вы знаете, лето жаркое, змей много, вечером комаров очень много. А у нас домик полу... Вот как полуземляночка, вы знаете, половина в земле, половина над. Небольшой такой домик, и везде, везде, вот так вот по стенам папа из самана сложил что-то такое типа кровати. Ну сидеть, лежать можно, лежанки, прямо по-над

стенкой везде. И для всех вот это вот лежаночки, а на них там всякий матрас, не матрас. Ковров тогда не было у нас таких вот, пледов красивых. Нет, ну так себе. Ну зато и пол глиняный, очень аккуратно, мама всегда глиной это всё приводила в порядок. Мне нравилось очень у нас, уютно было. Ну, жилище такое, жилище — не жилище.

00:35:43

А можете еще сказать, откуда родителей вашей мамы переселили?

Мамочкины родители со Старого Уруха. [Ин. яз.], Налоевы. Вот я вам ту книгу, которую подарю, она тоже из рода Налоевых. Это удивительный человек был, вы потом будете читать и удивляться. А у нее совсем другая судьба, но она прошла через колоссальные трудности. Вот она ГУЛАГ настоящий прошла. Ну а мы уже дети послевоенных лет. Конечно, голод. Летом хорошо: арбузы, дыни, у папы бахча там. У меня даже вот книга, вы будете читать, «Гюрза в доме» рассказ есть. Он на бахче, и ночью вдруг, в 12 ночи папе какой-то голос говорит: «Скорее, Халид, домой, домой иди». Он думает: да что такое, ну что может случиться? Ну, полночь. Ну ладно, взял кетмень, фонарь этот, и пошел домой. Когда он дошел до домика нашего, дверь полуоткрытая, видимо кошка вышла. И дверь осталась открытая, все спят. К этому времени у нас уже была одна железная кровать, на которой то мама и ее сестреночка Люсена спят, то, когда папа дома, папа и мама спят. А так кругом вот эти вот строения были для... лежанки. И вот, значит, папа вот так фонарь приподнял — и над железной кроватью, да, и вот так вот змея уже вот так поднялась. И уже близко к маме — ужалить. Он просто, я не знаю, как лев, наверное, кинулся, скинул эту змею, она оказалась под кроватью, там борьба, он ее вытащил всё-таки, убил. И мама, конечно, шок получила колоссальный. Люсенокка проснулась, ее маленькая сестра, плачет, не поймет, в чем дело. А я тогда была у мамы в животике уже. Так что папа две жизни дал мне, мой золотой папочка. Папа жил 104 с половиной года.

00:38:23

Молодец.

В полном здравии: ушки слышали, глазки видели, и умненький, память великолепная. Вот он до последнего мне: «Леночка, ты рассказ, который я тебе рассказывал, про абрека, написала?» — «Да, да, папа, я записала уже». — «А про медведицу?» И вот он до последнего мне. Как я хотела, чтобы книга вышла, пока он живой. Не получилось.

00:38:52

Не получилось?

Папочка умер, и через несколько месяцев только появилась книга эта. Это сейчас будет муэдзин к намазу призывать. И не всегда чисто поют. Мне нравится, когда красиво, аж за душу чтоб брало. А они все лезут туда. Надо чисто петь это, чтобы прямо сразу у человека, ну сразу человек задумался о том, что где-то Всевышний. Чтобы вот добро, чтобы... А они не все умеют так красиво преподносить, к сожалению.

00:39:34

Елена, давайте продолжим. Расскажите, пожалуйста, как родители вашей мамы попали в Казахстан? За что их туда отправили?

Да, ну вот шла война. У них было семь дочерей. Три из них уже замужем, а четыре маленькие еще. И единственный сын. Он ушел на войну. Вот на Украине он попал в плен. Там, значит, рука у него очень... Что-то было вот, страшное ранение такое. И украинки, как рассказывают, вот тете рассказывали, приносили последнее этим пленным. Перебрасывали через эту вот там... Какая-то колючая проволока, не подойдешь. Да и... Их гоняли. Могли пострелять даже. Но удавалось им перекинуть. «То мерзлую картошку, — говорит, — где-то выкопают, перекинут, мы ее протрем и едим». В общем, они спасли их. В смысле, травки передавали, чтобы к ранкам прикладывали, всё это. А потом каким-то чудом несколько человек оттуда сбежало, и они решили, что два-три дня хотя бы дома, и рука уже будет лучше, а потом опять в часть. Ну а тут как раз немцы пришли сюда. И вот так они попали в плен. Но не столько, наверное, это. Налоевых еще раскулачивать начали в 1927 году. Вот вы почитаете книгу, узнаете многое про этот род. Этих пока не тронули, оставили им еще мельницу. У них мельница еще была. И как-то вот время шло, а война когда началась, то вообще постарались всех Налоевых под любым соусом. Вот так получилось. И вот три дочери, которые были замужем, их не тронули. А вот дедушка с бабушкой, моя мамочка молоденькая совсем, тетя Люля, тетя Мария, Люсена, вот они все попали туда, в Казахстан. Ну, было очень тяжело. И вот я рассказала, как умерли они. А как потом папе тяжело было, всё-таки он с мамой, три эти сестренки, уже мы родились, нас трое детей — это огромная семья. И он был вынужден с утра

до ночи работать. То он дрова где-то там раскопает, далеко, где-нибудь там. Там деревьев-то особо не было, лесов. Продаст. А на бахче день и ночь вкалывай, чтобы арбузы, дыни поспели и он мог обменивать это на что-то и кормить. Очень тяжело было, я помню... Мама... Целый день мы голодные. Там хлеба пекут, они, знаете какие, тоненькие, называются батыр. Такие лепешечки тоненькие. У нас даже этого не было. Целый день мы все голодные, а у меня горло болит, ангина такая разыгралась. Вот я четко помню это. Я умоляю маму помочь. Ну тут настолько у меня эти глады, наверное, уже и нагноились. Такая адская боль. Наверное, и температура была. А я еще голодная вдобавок. И вот я как сейчас помню, она говорит: «Подожди, деточка. Там тетя Марьяна, ну, твоя тетя, — то есть ее сестра, которая осталась в Старом Урухе, — выслала нам посылку, кажется, Мария принесет нам с почты». И приносят нам фасоль. Килограмма два-три, наверное, фасоли. Что-то еще. Такое счастье было! И вот мама настолько обрадовалась, что появилась эта фасоль, что она не стала замачивать, но ее обязательно надо замачивать, потому что она не проварится, а начнет разваливаться, елки. А она на радостях, бедная... Я-то ною, и Русенька, бедный, братик мой, и Людочка, все ноем, а я больная, больше всех плачу, что хочу кушать. И вот она поставила и варит, и варит, и варит, и варит. Никак не сварится фасоль. Я уже спать хочу. Потом она что придумала? Посолила это и бульончик взяла мне дала, остудила, фасолька еще крепенькая, остудила, дала, я попила этот бульончик и заснула. Как тяжело было! А зимой как папе приходилось тяжело! Но он нес свой крест, он сказал, что он будет опекать, что он будет верен ей всю жизнь. Удивительный был человек. Приедет, я помню, зимой с работы, сапоги мы ему снимем, а портянки стоячие, уже заledenели, сапоги мокрые, проходит вода, и он, бедненький, чуть-чуть отдохнет, часа два — и опять поехал, содержал всех нас. Тяжело было очень, очень. Много-много голодных дней я помню. А по-кабардински, ну вот вся семья по-кабардински говорит, но они все, кто учится, кто работает, никого дома нету, а мы на улице с казахами, и я знаю только казахский язык. Я на казахском песенки пою, я танцую, разговариваю на казахском, кабардинский понимаю. А вот папе потом, я всё-таки расскажу, за его 104 года, дали землю в местечке, Кархали называется, может, по-русски это звучит Каргалы, не знаю.

00:46:40

В Казахстане?

Да, по-казахски Кархали называется место. Разрешили ему там сажать арбузы. Он так обрадовался, говорит: «Ну теперь нам легче будет». А соседи говорят ему: «Халид, тебе дали землю, на которой невозможно что-либо вообще вырастить. Вообще, там только змеи, понимаешь ты? Змей там много. Не бери, Халид, эту землю». А он говорит: «А у меня есть выбор? В другом месте мне не дают. А кто нас будет кормить? Надо». Берет кетмень свой, лопату и едет на разведку туда, ну на бричке. «Я, — говорит, — когда уже ближе был к этому месту, смотрю, одно-единственное дерево и что-то вот так вот висит на ветках, такое что-то. Когда я приблизился, чем ближе я... Кишит змеями место это. А на деревьях тоже змеи, это змеи, — говорит, — свисали. Я каких только трудностей не перевидел, но тут я заплакал. Потом я сел на колени, повернулся на восток и сказал: "Всевышний, ты видишь, что у меня огромная семья. Эти змеи не причинили мне зла, но я же не смогу тут работать, на этой земле, если не изведу их. Всевышний, умоляю, прости мне мой грех, я должен их изгнать, я должен даже убивать их". Встал, выкопал яму и начал убивать змей». Это я еще... наверное, мне лет шесть было, как он мне рассказывал это, и я всю жизнь помню это. И он говорит: «Я убью, брошу в яму, считаю, убью, брошу в яму, считаю, а сам всё Всевышнего прошу простить. Сто четыре змеи, — говорит, — я в тот день убил, вернулся домой совершенно разбитый, и морально, и физически мне было очень тяжело. Просто свалился, я даже не кушал, настолько мне было тяжело. И думаю: "Как же я буду дальше, что я буду делать на этом? Ну что это, кругом только змеи". На следующий день прихожу — ни одной живой змеи уже нету. Те, которых я побил, лежат дохлые в яме, сто четыре эти, остальные ушли. Ни одной змеи». И вот он там разбил уже бахчу, и с тех пор стало им чуть-чуть легче жить. Вот так.

00:50:03

Вы тоже помогали родителям?

Ой, нас таскали вот на эти хлопковые поля. Вот я так обрывками помню: он какой-то колючий, колючие эти коробочки, очень кусали. Я вот маленькая, помню, солнце печет, меня всё это царапает. Я тоже пытаюсь их собирать, эти коробочки хлопковые. И так тяжело. Я уже давно устала, а надо работать дальше. Ну а мама и тетушки все вкалывают целый день. Очень тяжело было. Потом люди пока привыкли, казахи, они же тоже думали, всех называли врагами народа же. И они косо смотрели сначала на нас, а уже когда пожилы мы немножко, о, как дружили! И они во всем старались поддержать, помочь. Уже они поняли, что люди ни за что тут.

00:51:15

А приходилось такое в течение жизни слышать, «враг народа»?

Вот я когда маленькая была, да вот я сейчас, в памяти у меня, по-казахски дразнят детишки, да, соседские, что мы враги народа, а я не пойму, почему мы враги народа вообще-то, почему? Лезу драться тоже, меня набьют хорошо. Я реву, прихожу домой, жалуюсь маме. Она, бедная: «Да не слушай ты их, глупые они. Не знают сами, чего мелят». А мне западало это в душу. Потом уже, когда мы стали взрослее, конечно, это стало... Уже нас не обзывали. И я даже помню [нрзб] какие устраивали они, вот обрезание мальчикам когда делают, да. Как сейчас помню, весь народ собирается, пируют, танцуют, поздравляют. Вот он уже мужчина, обрезание прошел. И так они это прямо торжественно всё обставляли. Помню, что соседка казашка замуж вышла и мои тетушки стоят возле зеркальца кругленького, там губки подкрашивают и говорят: «Слышишь ты, а как же мы теперь сможем с тобой плакать?» А я думаю, а зачем плакать? Их дочь замуж вышла, а зачем плакать? Непонятно мне. А, оказывается, когда дочка замуж выходит, у них приходишь и прямо вот сокрушаешься, жалеешь, что ее взяли замуж. Мне так интересно было. И тетя Мария говорит: «Да я не смогу ни за что плакать. Пусть радуется, что взяли ее замуж». Вот такие разговоры помню. А потом, помню, радио. Вот громкоговоритель на всё село стоит один там. И что-то все помчались как ошалелые, кабардинцы. Нас мало, поодаль друг от друга, но слышно, когда радио. Смотрю, все бегут туда, к громкоговорителю, думаю: и нам надо, значит, туда. Раз все туда, и мы туда. Босиком все бегом, значит, туда. И слышу — какая-то незнакомая музыка. Язык знакомый, кабардинский. Я не всё понимаю, но я чувствую, что это наше что-то. Мне так интересно стало. Звучит кафа Кураци Каширговой, красивая такая. А потом — раз — песня «Рамазан». А в ней поется, я так поняла по смыслу, что это девушка жалуется на то, что она любит Рамазана, а ее отдали за другого. А поет мужчина песню эту. Мне так стало странно. Потом я слушаю-слушаю, мне так интересно. Не каждое слово понимаю, но я уже смысл поняла. И вдруг опять кафа Кураци. И выходит Мирзоев, адыг, наш дальний родственник, и моя тетя Мария, девочка молодая, красивая. Они такие красивые были, тетушки. Танцуют. И я смотрю, совсем незнакомое что-то под эту музыку. Адыгская кафа. Как они красиво танцевали! А я смотрю, моя тетя Мария почему-то танцует, и вот так вот слезы градом у нее. Ну это тоска по родине.

00:55:30

А какой состав населения там был, расскажите.

Там больше... Там казахи кругом были. И немножко кабардинцев, несколько семей. Вот его мама, Маркса, он, ну я... Он меня нянчил, на коленях держал у себя. А я не помню его тамошнего. А зато его мама и моя мама потом, когда мы уже встретились, рассказывали, как мы друг к другу ходили в гости, как мы просто души не чаяли. Ну мы держались крепко. И вот эти Мирзоевы, Ксенечка. У меня даже есть один рассказ там о Ксении этой красивой. Тоже у нее были вот такие две косы. Шла к нам, и ее каракурт укусил. Ну, ужалил. Каракурт — это как скорпион, если не хуже. И вот она там в обмороке лежит, кто-то увидел, сказали: «К вам Ксения шла, вот упала, скорее несите ее, не знаем, что с ней». Когда принесли, выяснилось, что она ужалена, скорее надо ей... «Ой, кого, ой, врачей нету, что делать? Эфенди зовите». А мы же такие, всё нам надо знать, всё нам надо видеть. А Ксению мы любим. А она лежит такая красивая и как будто бы не дышит уже. Мы все в шоке. И приходит мулла Эфенди, казах. Я, значит, думаю, как он будет ее лечить, интересно. Он всех выставил. А я спряталась за дверь, такая, как мышка. Сажу и смотрю, что он будет делать. Он поставил рядом с собой пиалочку с топленным маслом. Значит, я смотрю. Стоит пиалка. В пиалке топленное масло. Он взял эту пиалку, отпил, потом приложился к этой ранке, и я поняла, что он высасывает яд. Да. И сплевывает. Опять выпил топленное масло. Выпил прямо. Приложился к ранке, у нее на ноге была эта, опять отсосал. Сплюнул. Опять топленное масло выпил. И потом начал... четки, что-то там говорить и обращаться к Всевышнему. Что-то там, он молитвы какие-то говорит, обращается, обращается. Потом опять топленное масло выпьет, приложится к ранке — и опять немножко отсосет и выплюнет. А все там за дверями, конечно же, посчитали, что он Всевышнего попросил и Всевышний дал выздоровление Ксении. А я видела, как он отсасывал.

00:58:54

Потом не рассказали никому?

Рассказывала. Потом я говорю: вот так, вот так. «Не, ну всё равно там Всевышний, ты что». Ну да, без Всевышнего никак, ты что. Но я видела, вот так вот он лечил.

00:59:09

Ваша семья была верующей?

Вы знаете, у нас не было фанатиков. Очень красиво соблюдали обычаи. Очень. Во-первых, уважение к старшим. И не обязательно, вот молодые чтобы делали намаз пять раз в день, просто каждый знал, что есть Всевышний, что есть Аллах. Вообще Бог един. И знали заповеди. И старались не нарушать эти заповеди. Вот то, что сейчас хиджабы носят, у нас никогда не

носили, не было этого. Наши женщины были очень, даже в те древние времена, были раскрепощенные, носили красивые одеяния. Девочки до замужества не носили даже вот эти красивые шали, шляхар. Уже когда замуж выйдет, носит, но и то не так, а вот красиво, чтобы шапочка и потом шляхар этот. Вот такого, чтобы закрывали вот это всё, да не было никогда у нас. Не было этого.

01:00:33

[Склейка] Руки целуют: «Леночка, мы вас так любим. Ну пожалуйста, вот скажите текст». Раньше ж не было интернета и всё это. Вот этой песни текст. А я такая деловая: «Вы знаете, к сожалению, я не помню этого текста, но у меня дома есть. Извините, я вам не могу надиктовать». И не признаюсь. И радуюсь, что я такая популярная. Она честно признавалась, но она не подводила меня. Она культурно вела себя. Ой, так что...

01:01:08

Елена, давайте сейчас продолжим. Вот самые-самые яркие воспоминания детские какие у вас?

Вот знаете, это, мы думали, что так все живут, что так положено, что такова жизнь. Мы не страдали от этого, мы терпели. Понимаете? Мы ж были маленькие, и вообще, я не знала, что у меня еще родина другая есть. Вообще настоящая. Ну вот рассказывают они что-то, а мне так интересно: где это? Такая родина у нас, где это такие красивые леса, реки? Ну, как-то особо не заострялось. Вот этот случай, он мне врезался в память, у громкоговорителя вот это, когда моя красавица тетя с Мирзоевым танцевала и слезы градом катились. Вот это мне так запало в душу! И я тогда подумала: точно родина, и вот свой язык, своя музыка, это, видимо, такое святое что-то. Вот это, потом когда я болела и кушать хотела сильно, вот когда у меня ангина. Потом отцовские портянки, которые стояли. Уже замороженные, он, бедный, уставший, привезет дрова. И немножко нам останется, немножко он продаст, и мы как-то дальше будем жить. А вот насчет змей этих, ведь я же знала с детства, я знала этот рассказ с детства. Папа живет. Папа в одной поре, такой умненький, сильный, здоровый. Ушел на пенсию и дальше работает сторожем правления колхоза. Ну такой, с винтовочкой. На тележке, ослика запряжет, приедет на работу, потом приезжает оттуда, когда всё это закончится, и опять же ему надо всё. Ему надо ели посадить, ему надо скосить там всё. А знаете, один раз такой шкодный случай с ним произошел на работе. Он так возмущался, он такой же правильный какой-то, знаете. «Утром, — говорит, — техничка забежала, убирать. Быстро-быстро протерла полы и уже, смотрю, сворачивается. А я зашел в кабинет директора... — или председатель тогда был, председателя колхоза — и смотрю, паутинки вот так вот висят над его столом. Ну мне стало как-то не по себе. Я ей говорю: “Слышишь ты, ну неудобно, придет человек на работу, а у него прямо над столом паутина”. Она, — говорит, — так в позу встала, в одной руке веник, другая в боки: “Халид, у меня в руках веник, у тебя ружье, занимайся своим делом”. Я поражен был, я думал, что она скажет “Халид, как хорошо, что ты это заметил, действительно неудобно” — и уберет паутину. А такой ответ от нее я не ожидал». И вот он живет, работает. Я его безумно люблю. Я с ним и сейчас всё время разговариваю. Настолько мне его всегда не хватает, честно. Он прожил 104 с половиной года. Вы понимаете, что это? Что это? Вот он тогда в Кархали 104 змей убил, попросив Всевышнего простить. А Всевышний взял и дал ему столько лет жизни. Не понимаю. Не понимаю. Но в моей жизни, естественно, колоссальную роль сыграли его сказки. Он был великий рассказчик. Эти сказки, я... Я ж говорю, я видела кино. Вот он так рассказывал, что я всё это представляла. Это было так интересно, увлекательно, но мне было очень трудно адаптироваться уже здесь. Когда мы вернулись сюда, я знала только казахский язык.

01:06:19

Сколько вам было лет?

Ну лет пять с половиной, пять. Кабардинский понимаю, но не могу свободно говорить на нем, так, понимаю. Русский вообще не знаю. А мне уже скоро в школу. Надо уже. А мы, так как папин дом уже был занят, младший брат его жил там, мы узнали, что в поселке Фанерный, был такой поселок у нас, Верхний Лескен, он прямо у гор. О господи, это райский уголок! Если б вы знали, какой это райский уголок! Где прошли мои вот эти годы, которые я там жила с нашей семьей, это самые незабываемые годы. Там были русские, балкарцы, осетины, даже карачаевцы были, кабардинцы. Все как одна семья. Вообще по нациям никто там и не разбирался. И дружили, если у кого-то какое-то дело, все собираются, помогают — и всё. Это что-то, это не вернуть. Господи, это никогда уже не вернется, никогда. Никогда. Утром, пока мама доила корову, мы, детки, бегом бежали на речку. А река чистая. И видно, как форель плавает там, форель. Мы ручками ловим, она забивается где-то за камушком, под камень. Мы бегаем босиком, ловим-ловим-ловим, наловим форели, прибежим, она нам пожарит, мы

наедимся вдоволь — и бегом в школу. Вы представляете? Или утром дают нам кусок хлеба, да? Мы уходим в лес, все дети вместе, пацаны и девчонки, все. Мальчишки нас охраняли, как родных сестер. Мы целый день там шастали, господи, ну всё есть в лесу, всё. И малина, и сначала земляника, щавель, потом уже малина, ежевика, калина, шишки, чинаровые орешки, всё из леса. Дичку собираем, приносим, они ее сушат, потом варят нам компоты зимой. Дикую грушу, яблоки, вот это вот всё. И всегда нас мальчишки — и когда мы были поменьше, и постарше уже — как родных оберегали от змей, от укусов змей, от всего. А там и волки были в лесу, и медведи были. Ой, какая красота, это что-то! Я вам передать не могу. Я вам покажу фотографии потом. И первая учительница всегда 19 мая, в День пионерской организации, водила нас в лес, и мы жгли там пионерские костры. А как мы оберегали этот лес! Как мы его оберегали! Этот костер сгорит дотла, мы потом его потушим совсем, уберем за собой, чтобы не дай бог где-то искорка какая-то. А каждую весну всем селом мы выходили и высаживали чинаровые саженцы. Мы всё время обновляли лес.

01:10:11

А помните тот день, когда вступали в пионеры? Расскажите.

Помню. Это было так волнительно, не знаю, мне казалось, что это такое почетное звание — пионер. И мы тимуровскую команду создали. У меня свой наблюдательный пункт на дереве возле реки, а река же рядом там. Мы сделали наблюдательный пункт, там какой-то, так интересно, досками выложили, солому постелили, мы смотрим, чтобы чужаки, там другая организация какая-нибудь к нам не заявила. И так знаем наперечет всех бабушек одиноких, знаем, кто нуждается в помощи и по списку таскаем им, то пишу несем им, то мы идем помогаем кирпичи перенести или забор починить. Мы такие энтузиасты были! Вот я не знаю, сейчас нет этого горения у детей. Вот как-то они больше сидят, уткнувшись в этот телефон, интернет и так далее. Уже другие какие-то интересы, уже вот того, что было у нас, у детишек почему-то нету. Ну, слава Богу, сейчас какие-то волонтерские организации стали появляться. Мне кажется, народ уже просыпается, уже понимает, что дело не только в деньгах. Нет.

01:11:41

Да, мне тоже хочется верить, что сейчас волонтерский бум какой-то в стране есть.

Есть, есть. Да, слава богу.

01:11:49

А вам хотелось самой в пионеры вступить или как все?

Нет, очень хотелось. Я уже к тому времени почитала «Тимура и его команду» и всё такое. Уже мне очень хотелось. А уже когда я в комсомол вступала, я папу спросила: «Папа, как сказать происхождение мое?» — «Лена, не вздумай ничего говорить о нашем происхождении. Просто скажи: из рабочих и крестьян, всё, не надо нигде ничего говорить». Ну, если б я вдруг проболталась, что папа из такого рода... Мама тоже. Могло сыграть негативную роль. А так и написала: рабоче-крестьянская семья.

01:12:39

А проверить они никак не могли, да, тогда?

Да тогда же не было таких особо...

01:12:45

Технологий, да?

...прямо технологий. Ну, по слухам, может, кто-то и знал, что были репрессированы. Тем более у нас везде, у меня в паспорте написано, где я родилась. Южно-Казахстанская область. И сразу: а как ты там оказалась? Что? А почему? Всё такое. Уже с подозрением. Да. Но я должна сказать, что то, что я знала казахский язык хорошо, это сыграло прекрасную роль в моей жизни. Потом, когда я стала петь, я чисто пела на турецком. Чисто. На балкарском чисто, целые концерты давала. А вследствие того, что у меня музыкальный хороший слух, я прекрасно произносила арабские тексты, песни пела. Я слышала потому что хорошо. На осетинском я спокойно пела, потому что осетины рядом жили, тетя Катя и ее дети. Это было на слуху. Говор их, всё. И на осетинском я чисто пела.

01:13:56

А когда вас спрашивали, почему у вас в паспорте Казахстан, что вы этим людям

отвечали?

Ну я долго терялась. Потом папу стала с[прашивать], как лучше сказать. «Ну скажи, что были высланы дедушка с бабушкой. А дальше ничего не говори. За что, как, как папа оказался — особо не распространяйся». Вы знаете, он даже вот когда... Он не рассказывал о том, как его раскулачивали дважды. Он боялся. Может, боялся, что вернется еще раз время или еще придут за ним. Скажут: а, вот тогда-то... Не знаю. Он очень редко об этом рассказывал. Так...

01:14:46

Ну судя по всему, у вас были очень близкие доверительные отношения.

Конечно.

01:14:52

И вам он всё равно передал какую-то информацию.

Конечно. Всё он мне рассказывал. А людям он особо не... Так, себе перемолчит, бедный. Потом единственный раз... Я не знаю, чтобы его разозлить, что надо было сделать. Это такой был мудрый, спокойный как удав человек. Я не знаю, что надо было сотворить, чтобы его вывести из терпения, папу. Очень терпеливый такой, рассудительный.

01:15:37

А как папа к Сталину относился?

Вот удивительно. Он всегда говорил: «Сталин не сказал безоружных, которые попали, которому даже пулю себе в лоб пустить нечем, называть врагами народа. Сталин так не сказал». Он говорил: «Бывают перегибы. Да при любой власти, ну что сделаешь? Тогда вот такая была власть. У меня всё отняли. Я своим трудом всё это зарабатывал. Потом вот это случилось. И опять это. Это, — говорит, — может быть, ну да, кто был в плену, гонения туда-сюда, но какие-то же были эти... Вот, допустим, мы. Если целый батальон попал в окружение без оружия, что мы могли? Раненые». И целый батальон вообще истребили. Их там осталось-то сколько человек? Ну, очень мало. А выжили, вот уже в Германию доехали, четверо только, из всего батальона. Ну, конечно, ему повезло. Он не говорил Ворошилов, он говорил Ворошилуф. Ворошилуф [ин. яз.] То есть пришла... Документ пришел за подписью Ворошилова. «И нас освободили», — он говорил.

01:17:22

Ну это, конечно, удивительный случай.

Нет, это редчайший случай.

01:17:25

Это редчайший, действительно.

Просто повезло.

01:17:29

А как вы думаете, почему повезло? Как так случилось?

Вот как это письмо всё-таки попало хотя бы Ворошилову, ладно, может, не Сталину, а к Ворошилову? Он и Сталину послал, но ответ был от Ворошилова. Значит, как-то случилось, что всё-таки Ворошилов прочитал. А Ворошилов вообще положительный такой был человек. Вот он прочитал, видимо, выяснили, действительно ли этот батальон в то время попал в окружение. Выяснили и освободили, это вообще что-то, сказка какая-то, честно. Но он не выполнил миссию свою. Видимо, должен был Жангуаше признаться в любви и мы должны были на этом свете появиться. Лапочка.

01:18:23

А день смерти Сталина вы помните? Где вы в этот момент находились?

День смерти Сталина я не помню, потому что мне было три годика.

01:18:32

А, вы же совсем маленькая, да.

Я была в Казахстане, мне было три годика, но отчетливо помню, когда Юрий Гагарин полетел, о господи, весь поселок был на ушах! Весь поселок был на ушах, все радовались, все удивлялись, все мечтали, все хотели стать космонавтами. Такой красивый день, вот как сейчас помню, вот как сейчас, по радио когда объявили, о, сколько было радости у людей!

01:19:13

А как вы к Сталину относитесь?

Вы знаете, я долго думала. Перегибы были, конечно. Но! Ведь по-другому вот так поднять индустрию, да? Вот всё, что при Сталине было сделано, до сих пор не сожрут. Вот смотрите. Конечно, может быть, я не знаю, я не знаю, но... Я не думаю, что всё в точности Сталин, вот это, вот это, вот это. Может быть, перегибы были у нижестоящих, не знаю. Но то, что он умер, нося вот этот единственный китель, стоптанные туфли, у него ни дачи своей, ничего, никаких денег в офшорах, никаких там дач-мач, дача тоже государственная, сразу отошла государству. Он всё-таки... Да, ценой жизни многих, вот я... Двойственное такое отношение, но может быть, того требовало время, не знаю. Но я зла не держу на него, честно.

01:20:47

А папа не держал зла?

Нет, нет, нет. Папа тем более...

01:20:52

А кого он винил в сложившейся ситуации?

Ну, конечно, он был удивлен вот тогда. Он же с такой верой, они все четверо сказали: «Никаких, не дай бог, только на родину. Мы докажем». Конечно, он был поражен тогда и думает: «О, что-то не то». Ну вот с этой надеждой он и написал Сталину. А его вот грузины все, говорит, вот нацмены, которые на войне: «Кацо, — как они его любили [называть], — ты Сталина напоминаешь». Ну он же похож на Сталина. Видите, и китель такой же всю жизнь носил, усы, лоб точно, прическа у него.

01:21:36

Как ему такое сравнение было?

Ну он говорит: «Я вообще привык и как-то даже не реагировал. Меня все сразу приветствовали, как... Они представляли себе, что Сталин перед ними, настолько схож я был. Ну я уже привык и как-то уже не обращал внимания». Но он не держал зла на него. Тем более всё-таки пришел оправдательный такой документ. Хотя потом уже, я не знаю, может в Чимкенте где-то документы были, не знаю, их-то отпустили без всяких там этих, ну, доказательных. Отпустили, потому что пришло письмо, на основании которого они свободны. Всё. А у них же ничего уже не было с собой, ни паспортов, ничего. Тяжело было им.

01:22:32

Расскажите еще поподробнее, как появилась возможность уехать из Казахстана. Там тоже было какое-то постановление или что, как вот они...

Ну это уже когда в 1956-м или 1955-м, не знаю, указ вышел, что все имеют право вернуться на родину. А папа-то был свободен, но он ради мамы там остался. И пожалуйста, сразу обрадовались — и в путь. Единственное, вот в пути. Едем в поезде, да? А у меня сестренка младшая, такая красивая. Личико кругленькое, сама такая кучерявенькая, щечки розовые, ну, красавица. А я другая была, я такая бледненькая, более утонченная такая и некрасивая. Я не считала себя красивой. И все ласки получала моя сестренка. И мне иногда было обидно, что, значит, я некрасивая и тетки мои больше ласкают ее, потому что у нее кучеряшки. И я немножко, конечно, комплексовала от этого. Мне казалось, что я некрасивая, поэтому меня особо не ласкают. Зато отец всю жизнь ласкал меня, любил. Отец меня больше всех любил. И я его так же. И вот едем в поезде. И какая-то русская женщина возле меня оказалась. Она меня прижала к себе и говорит: «Господи, деточка!» Ну, я понимаю, что она меня ласкает, я-то языка не знаю. И гладит меня и всё время говорит: «Сестренка! На мою сестренку похожа». Ну, я поняла, что вроде я на кого-то из ее родных похожа. Где-то поезд остановился. Она соскочила, купила мне гребешочек, представляете? Гребешочек. Потом еще, кажется, пряник в виде лошадки. Вот всю жизнь буду помнить эту ласку. Вот честно. А уже в Москву когда мы прибыли, для меня был страх божий увидеть Ленина. Я-то не знаю, кто он такой. Я масенькая.

Нас куда-то завели. Вот я как сейчас помню, что-то... Почему-то мне показалось, что и потолок там прозрачный. Может, и вправду он там прозрачный. Вот я так помню. И лежит Ленин. А мы вот так вот толпой проходим все и скорбим, что он умер, ну, что его нету в живых давно, но он жив в наших умах и всё такое. Я когда увидела неживое вот это тело... Я-то не знаю, кто он, Ленин он или кто. Но мне как-то страшно стало. Я потом долго боялась. Не знаю, вот такое вот у меня... Что со мной было, не знаю. А потом уже, я когда остановилась в [нрзб], я поняла, что я увидела то, о чем мечтают все пионеры. А я увидела. Они не видели все.

01:26:01

А почему для родителей важно было первым делом практически...

Обязательно почему-то, они решили, что пока они тут, вот есть время до пересадки еще, мы должны Ленина увидеть. Всё. И поперлись.

01:26:19

А вы спрашивали потом, кто этот человек?

Ну, я маленькая. Мне сказали: Ленин — и всё. Я особо не помню, что они там. Но я знаю, что они рвались туда. Всё. Вот Ленин... Ленин и Сталин, рядом там они лежали. Но Ленин... Вот я где проходила, там Ленин ближе ко мне. Я даже Сталина особо не... Я испугалась сразу. И я даже Сталина и не помню, как я его увидела. Видела, не видела, но лежал кто-то рядом. А вот Ленин, вот это, ну, восковое вот это лицо. Ну, неживое. Я почему-то испугалась. И долго боялась потом. Мне казалось, что ночью придет он или что-то такое. Фантазии.

01:27:16

А ваша родина где?

И вот родина моя — это... Вот смотрите, я родилась и до пяти лет жила в Казахстане. Вы не можете поверить, как меня туда тянет, увидеть те места, где я бегала, где я огромные дыни на руках носила, где пережила голод. Конечно, уже дедушки и бабушки могилку я никогда не найду. Никогда. Всё там уже изменилось, всё там уже не так. Потом юность прошла в Верхнем Лескене, в этом райском уголке. Райский уголок. А потом мы уже переехали в папино село, нам выдали участочек, и папа в девятый раз в жизни построил домик. Это была его девятая стройка. Уже совсем пожилой. И домик этот такой, не очень большой, три комнаты. И так двор очень уютный. Ну а потом я... Уже в училище, значит, после второго курса уже я выскочила замуж. И вот эта усадьба стала мне вот совсем родной. И как это вышло, я не знаю. Может, у меня миссия такая была, чтоб я [нрзб] память сохранила. Наверное, это мне миссия была заложена раньше. Потому что я через большие трудности прошла, чтобы вот это было. Это было очень нелегко. Даже подарить было не так легко. Но слава богу, теперь музей есть и... Всё-таки вот [ин. яз.]...

01:29:20

У вас две родины? Вы считаете, что у вас две родины? Или всё-таки родина Казахстан?

Я считаю, что две родины. Я считаю, две родины. И безумно люблю вот эту родину малую. Безумно. Безумно люблю свою страну. Я много где бывала. Безумно люблю свою страну. И очень-очень переживаю о том, что мы, ну, до всего дошли. Сколько у нас умных людей, сколько... Чего мы только уже не изобрели, да? А вот жить достойно чтоб каждый мог, кто работает... А у нас даже все, кто работают, нуждаются. Это неправильно. Я очень хочу, чтобы всё-таки... Мы же на тот свет ничего не унесем с собой, ну не унесем. А богатые недра наши должны всё-таки служить народу. Я думаю, что мы к этому всё равно придем рано или поздно. Я надеюсь. Ну, мы народ очень трудолюбивый, вы знаете. А потом мы безумно привязаны к своим корням, к своим родам. Поэтому мы любыми путями, мы трудимся в поте лица. Вот помимо того... Я всю жизнь на двух работах работала. Всю жизнь. Радио, телевидение, филармония. Помимо этого, я вела хозяйство всегда. Люди думали... Ну я выходила изящная на сцену, красивая, ухоженная. Люди думали, я живу так, что у меня тут работники. Нет. Всё, всю жизнь. Но дети тоже, конечно, помогали. Но в меня пошла дочь больше. Она пчелка. Она пчелка просто. Чудо-девочка. Конечно, если бы не хозяйство... Ну и то сейчас такие налоги пошли на землю. А эта земля досталась мне от моих предков. Потом мы ее приватизировали. Оплатили всё. И опять платим налоги. Я не понимаю. Где логика? Не понимаю, честно.

01:32:14

Можете еще рассказать о своих впечатлениях, когда вы приехали сюда? Когда вы вернулись из ссылки и вам объяснили, что есть вторая родина. Расскажите про этот

контраст. Как было там и что вы увидели здесь?

Ой, это, конечно, контраст большой был. Потому что там пески, жара. Я помню, на пароме как мы переправлялись через реку. Там... не Сырдарья, Арис. Арис река возле нас текла, огромная. И мы на пароме переправлялись через нее, чтобы попасть в другой поселок или что-то там. И вот эта изнуряющая летом жара, а зимой холод. Странно. Там удивительно было. Ну, саксаул кругом растет. И ковыль. Ну, а где-то хлопковые поля. А тут — зелень, реки. Такая красота! И родня вся возле меня. Все хотят, чтобы я спела, станцевала. Я прямо звезда, елки. В центре внимания, мне так интересно. Думаю: а что удивительного в том, что я на казахском пою, танцую казахские танцы? Еще длинную юбку наденут мне, и я точно как они танцую, а эти хлопают мне, целуют меня. А мне так интересно. Думаю: что они, в жизни не видели, что ли, такого? Вот так вот было. Потом я потихонечку стала уже, конечно, взрослеть. Уже выучила кабардинский, русский язык, уже в школу пошла. Но это было счастье просто. Счастье. Моя первая учительница какая удивительная была, Александра Федоровна Касьянова. Одноклассники чудные, я по сей день поддерживаю связь с ними. И потом мне встречались большей частью хорошие люди, доброжелательные. Что режиссер мой, что вокал мне... просто факультативно, ни за деньги, ни за что, вела Дора Рувимовна Ханукаева. Режиссер мой, Мартиросов. Такие чудные люди, господа. Рядом с ними нельзя было быть вообще неправильным.

01:35:03

А в каком возрасте вы осознали про то, что вы были в ссылке и про судьбу вашей семьи?

Это я уже была... Вот после того, как вступила в комсомол. Я тогда уже плотнее стала всё это [изучать]. А историю настоящую народа я, конечно, узнала еще позже. Всё было закрыто. Я когда первый раз в Москве... Художник какой-то киностудии была женщина, она мне дала фон Вилия почитать, французского путешественника, я вообще шок получила. Это было... И она мне говорит: «Не говори никому, что я дала, спрячь, никому не показывай». И я ее везла как... Я не знаю. Я приехала, вздохнула, заплакала, напереживалась, стала волноваться, где еще что-то найти. Сейчас, слава богу, уже архивы открываются. Уже мы много знаем о нашем происхождении, о народе своем, о судьбе народа. Конечно, печалит судьба народа. Ничего не скажешь. Мы все разбросаны по белому свету. А Россия вообще несчастная страна. Блин, вот извините меня. Вся аристократия тоже схлынула в одно время. Я в Америке встречала дочь одного белогвардейца. Такая интеллигентная женщина. Они плакали прямо, как они любят родину и возвращаться боятся. Ну это еще когда Советский Союз был. Такая интеллигентная... Как она рассказывала, как родители страдали, как они хотели видеть Россию великой, сильной. Ну видите, какие времена были. А черкесы разбросаны по всему миру. В Испании есть два адыгских села, баски называют они себя. Они уже языка не помнят, но знают, что они черкесы, знают свои национальные формы и знают свои фамилии. В Германии тысяч 15 есть черкесов. В Сирии тысяч 60 было до войны вот этой. В Иордании тоже, наверное, есть тысяч 50-60. В Иордании. Но там вообще особо адыги живут, потому что это королевство вообще-то они создали. Удивительный случай. Это длинная история. Не буду вас заморачивать на этом. Но хашимитское королевство создали черкесы. В то время они пригласили к себе принца Абдуллаха. Это отец короля Хусейна. И когда он увидел... А земля эта как раз в это время пустовала, они из Турции туда, из махаджиров ринулись туда. Пустая земля. А до этого, оказывается, много сотен лет назад там жили арабы. Потом римляне завоевали эту землю. Об этом говорит и Джараш, и Петра. Потому что потом стали откапывать целые колонны и дворцы. А как римляне ушли? Непонятно, да?

01:39:26

Понятно. А скажите, папа ваш часто вспоминал, уже когда жизнь более-менее наладилась, про жизнь в ссылке?

Знаете, они как-то уже без сожаления об этом говорили. Уже так остро... Это я остро всё до сих пор чувствую. А вот они уже смирились: было и прошло. Было, были испытания эти тяжкие, были трудности, были некоторое время унижения, потому что первое время, я же говорила вам, называли врагами народа, не понимали, а потом уже подружились, поняли, что это чудесный народ. Всё прошли они, всё. Но больше, больше они вспоминали жизнь в Верхнем Лескене, потому что там они оказались просто в райском уголке. Вот они всегда хотели еще раз приехать туда, побывать. Я, помню, молодая с тремя детьми туда приезжала к русским нашим знакомым, у них ночевала. Детям показывала эту речушку с форелью. Они ловили форель и получали такое удовольствие! Тогда же автобусы только ходили, на это надо было вообще целый день потратить туда, целый день оттуда. Но мы на несколько ночей оставались у Чуевых. Их сын Витя был мой одноклассник. А позже Витя женился на моей первой подружке Наташе Бабкиной. Наташенька жива, Вити уже нет. Царствие ему небесное.

01:41:17

А про что были последние разговоры с папой?

Последние были вот именно о тех рассказах, которые он хотел бы, чтоб я запечатлела, чтоб я на бумаге их запечатлела. Вот как-то он, почему-то он так часто переспрашивал меня. А я как чувствовала, я целый день потратила на то, чтобы уговорить его приехать ко мне. А он с младшей сестренкой моей жил. Кстати, она родилась, когда мне было уже 15 лет, мы уже в Чегеме жили, папе был 71 год, когда она родилась. Вы представляете, какие мужчины? 71 папе — и рождается ребенок. И вот я целый день его уговаривала: «Папа, ты ж меня любишь. Папа, я же самая первая твоя дочь. Ну пожалуйста, ну пожалуйста, ну поехали». В общем, еле-еле его уговорила, а тогда такси не было так свободно, автобусы уже вечером не ходят. Пошла я по улице — один пьяный, у которого машина есть, у другого дело. Ох, я пока машину нашла! Пока... В общем, привезли мы его. И он недолго пожил. Он мне говорил... По-кабардински это как-то звучит, знаете: «[ин. яз.]». То есть: «Вот зачем ты меня везешь? Хочешь...» Ну как-то получается, что мертвеца туда-сюда таскать. Вот так он выразился. Как мне стало больно, я говорю: «Папа, о чем ты говоришь? Ты что? Ты что, папочка, ты еще...» Ну, уговорила. Оказывается, он чувствовал, что он скоро умрет. И вот он каждый день мне пересказывал то одно, то другое, то... Очень много интересного. А потом вдруг...

01:43:35

Эти события...

Из его жизни.

01:43:39

...из его жизни касались...

Нет, не Казахстана. Он вспоминал молодость, потом он вспоминал, уже после двух раскулачиваний как он в Урухе работал у Понежева. Вспоминал удивительные истории с осетинами, какие были у них тюрки, вот в рассказе «Абрек» я подробно описала это всё. Потом вдруг он сказал... Вот он никогда, никогда, ни разу в жизни не сказал: «Вот сегодня 9 Мая, почему ваши тети не приехали меня поздравить?» Ну, казалось бы, он их опекал всю жизнь, да? Ну, другой мужчина, может, когда-то и сказал бы: «Разве я не заслужил внимания?» В жизни... Приехали — хорошо, не приехали, ну, значит, не сложилось. А тут вдруг он стал говорить: «А что Мария не приедет? Я же уже старенький». А Мария была уже при смерти тогда. Я не хотела говорить ему. Младшенькая Люсена уже умерла, а тетя Мария болела. Я не хотела его расстраивать, но чтобы у него легче на душе стало, что она не едет потому, что болеет, а не потому, что не хочет, мне пришлось ему сказать. Я говорю: «Папочка, она серьезно больна». О, как он расстроился! Потом я видела его слезы, знаете, когда? Когда «Курск» утонул. Я первый раз видела его слезы. Он плакал. По радио передали, что затонул и столько ребят ушло. Он говорит: «Войны же нету. Бог ты мой! Эти красавцы здоровые. Да как же их не спасли, да... Бог ты мой, как тяжело! Столько ребят погибло...» Он сокрушался, сокрушался. И я первый раз видела его слезы. Вот тогда. Сколько трудностей было, никогда не видела слез его, а тут он плакал. Потом он что-то рассказывал, вот в Казахстане когда они были с китайцами, говорит: «Мы на границе сигаретами обмениваемся, дружим, никаких терок, совершенно спокойно мы с ними». Никогда, говорит, не было этих каких-нибудь... Менялись всегда сигаретами, говорит, и дружили.

01:46:57

Про папу мне очень понятно, каким был папа человеком. Так подробно рассказали, прекрасный папа у вас, замечательный.

Спасибо!

01:47:07

Я думаю, вам очень повезло в жизни...

Повезло, да.

01:47:10

...что у вас такой человек был рядом. И чувствуется, что вы с ним были близки, что вы дружили.

Очень, очень.

01:47:19

И когда так случается, мне кажется, это большое счастье, когда ребенок и родитель совпадают не только по крови, но и еще и вот душой.

Душа, душа. Я вообще похожа на него, знаете. Я такая же терпеливая очень. Ну и трудолюбивая, как он, это факт. Это факт. Да и внешностью я похожу на него. А мамочка, она выучиться не успела, там со школы уже ж ее туда забрали. На ее долю выпало очень много трудностей. Одно то, что она совсем молодая девчущечка с тремя сестрами осталась там, на чужбине, это уже ужасно. Ей было очень тяжело. А потом уже, вот когда мы сюда вернулись, люди же бестактные, многие попадают: «А чего ты за старика замуж вышла?»

01:48:30

Так и говорили?

А ей больно. Она-то знает, что он для нее и отец, и мать, и муж, и брат, и кто хочешь. Ну, видимо, иногда ей было обидно, что у нее судьба такая, что она вышла ради того, чтобы он с сестрами... Ей-то повезло, у него такой характер. Мне кажется, мама с другим человеком и не ужилась бы. Она очень строптивая, очень своенравная, красивая такая. Отец все прихоти ее выполнял. Он ее жалел, как дитя своего. Он понимал, насколько ей было тяжело там. Ну, может быть, иногда она сожалела о том, что не ее ровесник рядом с ней. Может быть. Но я считаю, что если бы не папа, не знаю, как бы они там, что было бы, не знаю.

01:49:49

А мама про Казахстан вспоминала или нет?

Она не любила вспоминать вообще о Казахстане, потому что с этим столько связано. Иногда вот начнет рассказывать, и я плачу, и она плачет, тяжело. Она сразу почему-то переходила вот на тот день, когда умирал отец. Как они мясо ему, как он попросил просто потрогать. И плакала. И вот могилки как они охраняли от собак. Очень тяжело. Но она говорила, что «а люди хорошие везде», говорит. «Они потом, — говорит, — так привязались к нам, понимали нас». В первое время, конечно: «О, ссыльные приехали, они враги народа». Какие ж они враги народа, господа?

01:50:50

А мама не винила советскую власть в том, что произошло? И с ее родителями, и с ней?

Она долго не понимала почему. Ну почему? Потом она приняла это как неизбежное. Это, мол, это был общий приказ, все там кого-то... Тем более у ее матери мельница, на них зуб точили давным-давно. Тех Налоевых уже выслали. А, кстати, Налоевы, они там, очень-очень интересные люди были среди них. И вот селение Озрек есть у нас в Кабардино-Балкарии, его же получил вместо долга от князя Анзорова, от князя Анзорова, некий Налоев. И он поселил туда своих родственников-осетин, а они потихоньку перетянули. И вот единственное село прямо внутри осетинское. И дружим, и роднимся, и наши дети женятся. Прекрасно, прекрасно. Люди ищут сближения, хотят добра, хотят жить хорошо, мира хотят. Я считаю, что каждый человек на своем посту если будет относиться добросовестно к тому, что делает, то было бы здорово. Но! Как-то сумели за вот эти годы научить нас любить деньги. Многие просто решили, что самое главное — раздобыть денег, не имеет значения, каким путем. А я считаю, что только честным путем заработанные деньги должны пойти во благо человека. А всё, что заработано нечестно, это харам. Это нехорошо. Но сейчас почему-то немножко по-другому смотрят на жизнь люди.

01:53:44

Ваша мама тяжело переживала уход мужа?

Нет, она была готова. Она, в отличие от меня, уже знала, что близко. Это я не верила. Мне почему-то казалось, что он вообще бессмертный. А она была уже готова. Да и сама уже прибаливала тогда. И как-то вот...

01:54:18

Сколько лет мама еще прожила после смерти папы?

Мало, мало. Шесть лет только. Шесть лет прожила, беденькая, мало очень.

01:54:34

Какие были последние годы вашей мамы?

Она почему-то обессилела. Тогда же давление особо не умели лечить. Вот как-то... Сейчас всякие препараты есть, чтобы предотвращать. А тогда собьют давление, придет скорая, собьют давление. Эх, если бы я столько знала тогда, сколько сейчас про это знаю! У нее с утра повышалось так давление, что ее трясло, трясло, трясло, трясло. Она не кушает ничего, а потом уже обессиленная, когда снизится давление уже. Лапочка, беденькая, она очень тяжелую жизнь прожила. Казахстан она с содроганием вспоминала. Не людей, людей она любила и хотела еще увидеть их, и даже эти места еще раз хотела увидеть. Всё, что они там пережили, вот эти трудности, и смерть отца, матери — и непонятно, и не с кого спросить. Закон есть закон, они так думали.

01:56:07

А вы ездили потом в Казахстан?

Я не смогла. Я очень хотела. Потом Казахстан отделился. Потом я уже даже писала... Но это уже был не Шаульдерский, видите, он говорит, уже сейчас Чимкентский район. Но я Назарбаеву через кого-то посылала: хочу, чтобы были побратимы мое село и Шаульдер. Если есть вариант какой-то связать меня с администрацией Шаульдера, и всё такое. Да ему разве до меня? Наверное, выкинул письмо, да и всё. Я очень хотела, чтобы мое село подружилось с ними и мы друг к другу ездили в гости, обменивались культурами. Это же интересно.

01:56:58

А почему вам так и не удалось съездить в Казахстан? Наверняка была такая возможность.

До того, как они отделились от нас, свободно можно было, легко. Но у меня две работы, трое детей, больная свекровь, больная золовка. Мне было очень трудно. А потом уже они отсоединились и началась вот эта вот проклятая перестройка.

01:57:35

А XX съезд вы помните?

Ну я так, на слуху, но чтобы я прямо точно тогда-тогда... Сейчас-то я знаю о чем там шла речь и всё это, но тогда я еще особо не смыслила в этом ничего. Но я знаю, что потом, вдруг, оттепель, и всё такое, потом уже вдруг мы в столовых бесплатно хлеб ели. Вот цены ни при Сталине, ни при Хрущеве не росли так. Только понижались, понижались, понижались. А вот сейчас мы просто не успеваем, к сожалению.

01:58:29

Как вы отнеслись тогда к разоблачению культа Сталина?

Я ничего в этом не смыслила тогда, когда это случилось еще. Но... Да, перегибы были, но я всё-таки вижу, сколько было при Сталине сделано. Вот не знаю, может быть, неправильно, что ценой жизнью многих. Ну сейчас, сейчас — войны нет, но люди погибают непонятно как. Но сейчас, имея такие богатства, мы почему не можем вырваться? Ну, мы же богатейшая страна. Ну кто, кто ответственен за это? Вот у нас раньше — вот тут стадо пока пройдет, машины остановятся и пропустят. Стадо насто-о-олько огромное, что оттуда сюда тянется, машины останавливаются. Сейчас 17 коров. Это 16-тысячное население села, 16 тысяч тут. Люди не имеют возможности содержать коров теперь, много овец.

02:00:11

Ну и люди тоже изменились, мне кажется, не особо кто-то стремится сейчас...

Уже не хотят, большая часть. Вот началась перестройка, и мне так жалко женщин, которые... Ну мужчины как-то долго раскачивались, ну если инженер он, а работы нет, он идет тачку таскает на базаре. А женщины как-то поднялись и начали с этими клетчатыми сумками, то кто в Турцию, кто куда. Они оказались прозорливее, но они потеряли детей. Понимаете? Если мать всё время в отъезде. Да, она зарабатывает деньги, но дети предоставлены-то сами себе. А отец то работает, то не работает, то выпил. Мне детей жалко, мне очень жалко это поколение. Мы многое потеряли за этот период.

02:01:15

Расскажите еще про реабилитацию. В каком году реабилитировали вашу семью и как вы этого добивались?

Вы знаете, мы так были счастливы, рады. Тети мои еще были живые. Ну какую-то компенсацию они, по-моему, получили, купили большого быка, зарезали и раздали там, в Старом Урухе, откуда родом дедушка с бабушкой. Ну а мы получили вот эти вот книжечки, которые теперь ничего не стоят. Было договорено, что всю жизнь мы будем за свет, за газ, за воду и за транспорт платить только 50 процентов. А потом умные головы решили: надо забрать у них это всё. Монетизацию объявили. И теперь гроши получаем. Ни разу не повышают. Потом я работающая пенсионерка. Не повышают нам пенсии. Но я же отчисляю в Пенсионный фонд. Я за всё отчисляю. Все эти... и медицинскую страховку и всё-всё-всё. Нет. Работающим не повышают пенсии. Почему? Не понятно.

02:02:42

А ваши родители, когда получили справку о реабилитации, как отреагировали?

Ой, ну папа-то давно был реабилитирован уже, а вот мама была очень счастлива. Они радовались все, что теперь они, ну как-то они свободнее себя... Вздохнули. Еще смогли быка купить, сделать им поминки, родителям бедным. Конечно, были все счастливы очень. Это была большая радость. Это была большая радость. А для меня неожиданность. Я-то третье поколение, я уже родилась там. Они, вот дедушка с бабушкой, потом мои родители, потом мы одни. Третье поколение — и то, как коснулось, и то, ой, какое тяжелое детство у меня было. Вот больше голод, вот больше. Вот я вспоминаю, голод меня изнурял. Всё время не хватало. И отец, бедный, как он нас жалел! Я помню, как он кукурузу купил, привез нам. Ну такую, готовую к потреблению. Ее толкут, снимают с нее вот эти кожурочки, но она очень долго варится. И то же самое. Мы же голодные. Она варится и варится. И мы ходим слюни глотаем, бедненькие. Господи! А эти два килограмма фасоли. Никогда не забуду.

02:04:24

На ваш характер как повлияла ссылка? Как вы считаете? И вот вообще всё, что вы пережили в Казахстане, как отразилось на вашей личности?

А мне кажется, что на меня только положительно. Понимаете, эти трудности закаляют. Закаляют. Потом, потом... Ну может, я родилась такая вот доброжелательная. Но мне всю жизнь хотелось накормить тех, у кого не хватает.

02:05:09

Извините.

Да.

02:05:12

Вот вы сказали, вам жалко какие-то...

Почему-то мне... Я никогда не могла пройти мимо человека, который пьяный упал. Вот казалось бы, ну напился пьяница, так ему [и надо]. Вот чего напился до такого [состояния]? Я не пройду [мимо], ни за что. Я помню, из оркестра один молодой человек так напился, что на автобусе, на шестерке, с одного конца в другой уже его возила кондуктор разов пять. И он не может сказать, где ему выйти, где он живет. И тут я с дочерью после концерта, значит, с малышкой, сели, я его на вид-то знаю, фамилию не знаю. Знаю, что он где-то там, недалеко от нас в городе живет, на «Искоже». Я говорю... «Да, — говорит, — уже пятый раз мы туда-сюда, он не знает, где он живет». Я говорю: «Я знаю, он недалеко от нас живет, давайте я его заберу». И мы ночью таскались по этому «Искожу», пока не нашли тот дом, где он живет, и на пятый этаж поволокли его. Там жена в шоке была, когда открыла дверь: «Ой, ой, извините, ой, спасибо».

02:06:39

Она вас узнала?

Да. «Ой, спасибо, ой, спасибо». Ну уже не ругает его, понимает, что он никакой. Потом как-то было, иду тоже после концерта поздно. Пожилой очень мужчина лежит в луже, никакой. Ну вот как я пройду? Он может простудиться.

02:07:04

Елена, сейчас мы запишем с вами видеовизитку, у меня есть обязательные вопросы, обязательные ответы. Вы уже на них все отвечали, но мы должны это записать одним кадром. Еще раз назовите, пожалуйста, свои фамилию, имя, отчество.

Пачева Елена Халидовна, урожденная Ашабокова. Мать моя — урожденная Налоева.

02:07:31

А год и место рождения ваши?

Я родилась в Южном Казахстане, Шаульдерская область, селение Шаульдер. Сейчас вот я узнала от Макса, что это уже не Шаульдерская, а Чимкентская область. А была Шаульдерская, у меня в паспорте так.

02:07:55

А год?

17 января 1950 года.

02:08:01

Какое образование у вас?

Среднее.

02:08:04

Где вы учились, как называется?...

Культурно-просветительное училище, Нальчик.

02:08:09

Какой год окончания?

Ну я уже в... Так, сейчас я скажу, подождите. В 1968 году, я же после восьмого класса поступила, уже начала работать завклубом, оформленная слесарем. Потому что не было единицы, завклуба. И вот с 18 лет по сегодняшний день, стаж мой — 53 года, пенсия моя — 11 тысяч.

02:08:43

У нас есть такой пункт «должность и место работы», вот как вы бы ответили?

Я ушла на пенсию ровно в 55 лет. Как я вам уже говорила, мой режиссер любимый, Мартиросов, всегда говорил мне: «Леночка, уйди со сцены вот такая красивая, пусть тебя запомнят такой. Никогда в жизни не выходи старой клячей». Но я в 55 лет ушла на пенсию, но уже в это время, я видела, безработные остались, это были страшные 1990-е уже. Вот когда безработных много талантливых людей.

02:09:30

Вот вы говорили, что у вас было две работы, какие были у вас должности?

Я всегда пела на радио, но и читала. Очень много литературно-музыкальных композиций на радио есть у меня. Мои песни на многих языках. И я, конечно, концертировала от филармонии. Это две работы всё время. А потом, вот в эти 1990-е, я, работая в филармонии, организовала ансамбль «Синдей», от слова «синды» — предки наши. «Синдей». Почему? У меня был магазинчик, и я решила, что всё, что будет зарабатывать этот магазин, надо потратить на вот этих людей, которые без работы на улице остались. А дом недостроен. Но я же думала, что я буду всегда молодая, буду много зарабатывать, понимаете? Я вообще не жалела денег для людей. Вот собрала я этих безработных, но очень талантливых людей. 42 человека, и такую программу мы сделали за год! Удивительную. Это танцевальных восемь пар и певцы. Как раз в театре даже зарплату не выдавали в то время. Помните, годами когда и зарплата не было, и пенсии. Вот такая вот катавасия. И из театра я привлекала ребят, друзей своих. И мы с ними подготовили тоже удивительную программу. Уже, казалось бы, вот теперь уже можно концертировать, может быть, какие-то деньги будем зарабатывать. А я-то им давала по 800 рублей каждому. А в то время даже в ансамбле нашем «Кабардинка» были оклады по 600 рублей, а я им давала по 800. Я их обожала. Я радовалась, что они не остались на улице, и я радовалась, что они такие талантливые. А потом уже с Абхазией, помните, начались всякие там это...

02:11:53	Еще скажите: год возвращения из Казахстана? 1956-й, может быть, или... Ну еще 1956-й не настал. Мне пять с половиной — пять лет было. Я-то в 1950-м родилась.
02:12:05	Хорошо. Фамилия, имя, отчество мамы. Налоева Евгения Хакяшевна.
02:12:12	Год и место рождения мамы. Старый Урух, Кабардино-Балкария. Селение Старый Урух.
02:12:19	А год? 1929-й.
02:12:22	Мама школу заканчивала, училась в школе? Она не успела закончить школу. Туда забрали ее. И девочки все маленькие. Вообще, самой младшей было два годика.
02:12:33	А сколько классов у мамы было? Ну, наверное, классов семь всё-таки, шесть она успела закончить вот к тому времени. А там уже не до этого было. Там надо было сестер содержать любыми путями. Она помощником повара работала, и вот гроши какие-то... Но не голодали девочки. А потом уже папа.
02:12:57	Фамилия, имя, отчество папы. Папа Ашабоков Халид Джамурзаевич.
02:13:03	Год и место рождения. Ну, он родился в Чегеме. Подождите... 1894-й? 1894-й, по-моему, 1894-й.
02:13:29	А у папы какое образование было? А у папы, он закончил восьмой класс и потом пошел учиться на тракториста. И вот он говорил, что первые тракторы — «Фордзон» назывались — вот «я был первым трактористом, и я первый прокладывал все дороги в Кабардино-Балкарии». Был бригадиром дорожной бригады. Вот так вот он начинал, молодой. А потом уже вот эти все передряги. Потом у него мама была же портниха, и была, мне кажется, она... Я не знаю почему. Вот она замуж выходила, муж спустя некоторое время умер. Она уже имеет от него ребенка, его дети у нее на шее. И всех их папа поднимал. Папе досталось вообще по жизни. Вот он перед смертью сказал: «Пусть Всевышний простит моей маме за все трудности, которые она мне...» Первый раз сказал это за всю жизнь. Он сказал: «Пусть Всевышний простит моей матери все трудности, за все трудности, которые она мне создавала». Потому что она замуж выйдет, родит там ребенка, а у него тоже дети, естественно, женились те, у кого жены умерли. И вот он был вынужден и тех, и этих содержать и находить общий язык. Это всё-таки чужие как-то... Чужой мужчина для него. Потом недолгое время прошло, она опять пошла замуж — за Эфенди. Это во втором [нрзб]. А у него пятеро детей. Но папа такой был благодарный всё равно. Одна из его дочерей там недалеко жила, туда замуж вышла. И когда меня сюда взяли, он мне сказал: «Пока Леля будет жива, — ну ее настоящее имя Зурьят, — Лена, уделяй внимание, я с ней кушал с одного стола». И оказывается, его мать вышла за его отца замуж, у которого пять детей. И вот представьте себе, как ему было тяжело. Кругом это всё. Но я этой Зурьят, я всю жизнь ей, вот пока она была

жива, я всё время уделяла ей очень много внимания.

02:16:19

Елена, скажите, о чем вы больше всего жалеете в жизни?

Я очень жалею о том, что я... Я безумно любила родителей своих и пыталась по мере возможности как-то быть им полезной, помогать. Я-то рано замуж высочила, и быстро у меня трое детей появилось, но я всю жизнь буду жалеть и упрекаю себя за то, что я мамочку не свозила в Верхний Лескен, в места, райские места, где она прожила самые лучшие годы. Это мой большой грех. Я очень сожалею. Я никогда бы не подумала, что она умрет так быстро. И как-то сложилось — и взросление детей, трудности, ее болезнь. И я всё время думала, что вот теперь, вот этим летом повезу, недельку побудем там.

02:17:33

А какой самый счастливый момент в вашей жизни был, как вы считаете? Вот самый.

Самый счастливый, мне кажется, это когда мы вот оттуда вернулись, да, и нас родня встречала. Это вообще предела не было. Ну я же как игрушка у них в руках. Я какая-то иностранка, казашка какая-то там, танцую, пою. Это что-то! Меня на руках носили. Какая я была счастливая! Ну, потом тоже были много-много минут счастья. Я вообще благодарна Всевышнему. Не то что за вот эту жизнь, за каждый прожитый миг. Честно. Когда я просыпаюсь утром и слышу, как там у нас на этих двух деревьях птички поют, когда петух начинает там кукарекать, курочки кудахтать... Как это здорово! Я не знаю, может, кому-то это всё не нравится, но это такая идиллия. Это жизнь. И вот сейчас не хватает общения. Люди боятся ходить много, боятся болезни вот этой страшной. А потом... Ну и не так они уже сейчас живут роскошно, чтобы позволять себе бросить всё, поехать в музей, в театр. Вот сейчас тяжелее народ идет. Понимаете?

02:19:23

Да, понимаю, да. Спасибо вам большое. Мне кажется, что прекрасное интервью получилось.

Ой, я так переживаю.

02:19:31

Не переживайте.

Я ничего лишнего не наговорила вам?

02:19:35

Нет. Ну а что лишнего?

Не знаю.

02:19:38

А что могло бы быть там лишнего? Мне кажется, ничего.

Давайте я расскажу всё-таки вам за проект мой. Вот тут. Вот [нрзб] в конце, вот он начинается от асфальта и туда два километра. Там последние шесть лет жил Дадочка Бекмурза в уединении. И вот когда я была в Америке, нас повели в Лос-Анджелесе в музей восковых фигур, называется «Мувиленд». И вот когда мы туда зашли, ну кругом восковые фигуры президентов, знаменитых людей, туда-сюда. И вдруг нас заводят в какую-то комнату — и зазвучала русская народная песня «Ямщик, не гони...» У меня сразу слезы на глаза. Я такая: я же на чужбине — и вдруг зазвучала русская народная песня. И я смотрю, картина такая: вот деревья, зима, стужа, ветер дует, даже деревья вот так вот загибаются, и сани, и мужчина сидит, один там. Я так посмотрела, думаю: может, это доктор Живаго. И вправду оказалось, что да. Я была просто потрясена. И вот этой, картиной этой. И мне тогда сразу пришла мысль, что я восстанавливаю эту землянку в [нрзб] и будет такая картинка: Дада за вот этим столиком таким сидит, треножкой, восковая фигура его, и держит письмо... Мои ладошки всё еще красные. Держит письмо, которое привез с Османской империи, из Турции, в котором говорится: «Братья, сестры, родные наши, не покидайте родину. Мы покинули, и теперь мы без родины. А если уедете и вы, то и этого клочка земли у нас уже не будет. Не покидайте родину». И он вот с этой бумагой объездил весь Кавказ. Везде был, в Адыгее, в Чечне, в Дагестане, в Карачаево-Черкесии, в Осетии, везде. И знаете, вот тогда мне пришла эта мысль в голову, что Дада сидит с этой бумагой, и когда люди заходят, сразу начинает звучать песня

«ИстамбылакIуэ». А я ее пела на всех концертах, знаете. Это песня адыгов, которые были изгнаны отсюда. [Ин.яз.], то есть «нас в Стамбул отправляют». И звучит эта песня. И вот я хочу, чтобы это случилось. Я-то уже пожилая, но я буду стремиться к тому, чтобы всё-таки вот этот проект состоялся. И будет там амфитеатр. И чтобы проводили мы и фестивали, и съезды поэтов со всех концов, не только черкесов там, допустим, балкарцев. Нет, чтобы мы собирали молодых людей отовсюду. Чтобы люди дружили. Я так хочу, чтобы люди дружили все. Чтобы мирно жили и радовались жизни этой.

02:23:41

Хорошая идея. Пусть всё получится.

Дай бог.

02:23:45

Да.

Вот проект этот если вы посмотрите, то вы увидите, как это будет здорово. Хотите?

02:23:52

Да, посмотрим, обязательно.